

«Морские рассказы»

Константин Станюкович

Побег

«Public Domain»

1896

Станюкович К. М.

Побег / К. М. Станюкович — «Public Domain»,
1896 — («Морские рассказы»)

Содержание

I	6
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Константин Михайлович Станюкович

Побег

Из цикла «Морские рассказы»

I

Солнце быстро поднималось в бирюзовую высь безоблачного неба, обещая жаркий день.

Оно заливало ярким блеском и эти зеркальные, совсем заштилевшие, приглубые севастопольские бухты, далеко врезавшиеся в берега, и стоявшие на рейде многочисленные военные корабли, фрегаты, бриги, шхуны и тендера прежнего Черноморского флота, и красавец Севастополь, поднимавшийся над морем в виде амфитеатра и сверкавший своими фортами, церквами, домами и домиками слободок среди зеленых куп садов, бульваров и окрестных хуторов.

Был шестой час на исходе прелестного августовского утра.

На кораблях давно уже кипела работа.

К подъему флагов, то есть к восьми часам, все суда приводили в тот обычный щегольской вид умопомрачающей чистоты и безукоризненного порядка, каким вообще отличались суда Черноморского флота.

С раннего утра тысячи матросских рук терли, мыли, скоблили, оттирали или, по выражению матросов, наводили чистоту на палубы, на пушки, на медь – словом, на все, что было на палубах и под ними, – до самого трюма.

Давно работали в доках, адмиралтействе, и разных портовых мастерских, расположенных на берегу. Среди грохота молотков и лязга пил порою раздавалась дружная «Дубинушка», при которой русские люди как-то скорее поднимают тяжести и ворочают громадные бревна.

Опустели и мрачные блокшивы, стоявшие на мертвых якорях и, словно прокаженные, вдали от других судов, в самой глубине корабельной бухты.

Это – плавающие «мертвые дома».

Подневольные жильцы их, арестанты военно-арестантских рот, с четырех часов уже разведены по разным работам.

В толстых холщовых рубахах и таких же штанах, в уродливых серых шапках на бритых головах, они прошли, звякая кандалами, несколькими партиями, в сопровождении конвойных солдат, по пустым еще улицам и возвратятся домой только вечером, когда наступит прохлада и весь город высыплет на бульвары и Графскую пристань.

И тогда во мраке чудной южной ночи эти блокшивы замигают огоньками фонарей, и среди тишины бухты раздадутся протяжные оклики часовых, каждые пять минут один за другим выкрикивающих: «Слушай!»

Проснулись и слободки, окаймлявшие город, с их маленькими, белыми, похожими на мазанки, домами, населенными преимущественно семьями отставных и служащих матросов, артиллерийских солдат, казенных мастеровых и вообще бедным, рабочим людом.

Рынок – этот клуб большинства населения, расположенный у артиллерийской бухты, – давно кишел народом.

Шумные и оживленные кучки толкались между ларьками, среди мясных, телячьих и бараньих туш, кур, уток и разной дичи, среди массы зелени и разнообразных овощей юга, гор арбузов и пахучих дынь и множества фруктов, привезенных из ближних садов. Торговали, кричали и сердились. Тут же делились последними новостями и сбывали поношенное платье и старую обувь.

У самого берега бухты стояли рыбацьи суда соседнего городка Балаклавы со свежою рыбой. Какой только не было! И камбала, и скумбрия, и жирная кефаль, и бычки, и маленькая золотистая султанка, которую лакомки считают за самую вкусную рыбу Черного моря. Только что наловленные устрицы лежали в корзинах и предлагались поварам и кухаркам.

Тут же, рядом с рыбным рынком, в прозрачной, словно хрусталь, воде заливы бухты, отливавшей изумрудом, купалась толпа мальчишек. С веселым смехом бросались они в воду,

плескались, обдавали один другого брызгами, плавали и ныряли, словно утки, соревнуясь в своем искусстве друг перед другом и перед глазеющей публикой.

Над рынком, залитым блеском веселого южного солнца, стоял непрерывный говор толпы. Речь изобиловала неправильностями языка южных городов и звучала мягким тоном малороссийского акцента. Среди этой речи порой выделялось торопливое, громкое и в то же время вкрадчивое сюсюканье продавцов рыбы и устриц, халвы и рахат-лукума – этих увлекающихся балаклавских греков, с их смуглыми, мясистыми лицами, горбатыми носами, черными с поволокой глазами, напоминающими крупные маслины, и с быстрыми жестами оголенных мускулистых рук цвета темной бронзы. Слышались и гортанные звуки татар, сидевших на корточках у корзин с грушами, виноградом и яблоками, с выражением горделивого бесстрастия на своих красивых лицах с классическими чертами, напоминающими о чистой арийской крови их предков – генуэзцев и греков, когда-то живших в Крыму. Порой разносились, покрывая говор толпы, отчаянные клятвы «дам рынка» – бойких, задорных торговкок-матросок – и их энергичная брань, приправленная самыми великорусскими импровизациями, которым мог бы позавидовать любой боцман, и вызывавшими громкий и сочувственный смех рыночной публики.

Все здесь жило полной жизнью большого и оживленного морского города.

Никто, разумеется, в этой шумной толпе и не предвидел, что скоро Севастополь будет в развалинах, и что эти прелестные и оживленные бухты опустеют, и на поверхности рейда, где стоит теперь Черноморский флот, будут торчать, словно кресты над могилами, верхушки мачт потопленных кораблей.

II

В начале восьмого часа этого веселого, светлого утра, в детской большого казенного дома командира порта и севастопольского военного губернатора худенький мальчик, лет восьми или десяти, с необыкновенно подвижным лицом и бойкими карими глазами, торопливо оканчивал свой туалет при помощи старой няни Агафьи.

– Да ну же, скорей, няня! Ты всегда копаешься! – нетерпеливо и властно говорил мальчик в то время, как низенькая и коренастая Агафья расчесывала, не спеша, его кудрявые, непокорные густые каштановые волосы.

– Ишь ведь, попрыгун!.. Ни минуты не постоит смирно. Всегда торопится точно на пожар, – ворчала няня, любовно поглядывая в то же время на своего любимца. – Да не вертись же, говорят. Так тебя и не причесать. Будешь нечесанный, как уличный мальчишка.

Но мальчик, видимо, не особенно тронутый такими замечаниями и испытывающий неодолимую тоску от долгого чесания, когда солнце так весело играет в комнате и в растворенное окно врывается струя свежего воздуха вместе с ароматом цветов сада, уже выдернул не вполне причесанную кудрявую голову из рук няни и, улыбающийся, жизнерадостный и веселый, стал быстро надевать курточку.

– Дай хоть пригладить вихры, Васенька.

– И так хорошо, няня.

– Нечего сказать: хорошо!.. Адмиральский сын, и торчат вихры. Небось, папенька заметит – не похвалит.

Вася уже не слышал последних слов няни Агафьи, которую любил и не ставил ни в грош, зная, что она вполне в его руках и исполнит все его прихоти. Он выскочил из детской, на ходу застегивая курточку, и, пробежав анфиладу комнат, остановился у закрытых дверей кабинета.

Веселое лицо мальчика тотчас же приняло тревожное выражение. Он несколько секунд простоял у дверей, не решаясь войти, и в голове его пробежала обычная мысль о том, что ходить каждое утро к отцу для того, чтобы пожелать ему доброго утра, – весьма неприятная обязанность, без которой можно бы и обойтись.

«А все-таки нужно», – мысленно проговорил он и, тихо приотворив двери, вошел.

В большом кабинете у письменного стола сидел, опутив глаза на бумаги, худощавый, высокий старик в летнем халате, с гладко выбритыми морщинистыми щеками, отливавшими здоровым румянцем, причесанный по-старинному, с высоким коком темных, чуть-чуть седящих волос, который возвышался посредине головы вроде петушиного гребня. Короткие подстриженные седые усы торчали щетинкой.

Эти колючие «тараканьи» усы всегда особенно пугали мальчика, наводя на него трепет, когда они нервно и быстро двигались, обнаруживая вместе с подергиванием плеч и движением скул дурное расположение духа сурового и непреклонного адмирала, которого решительно все в доме, начиная с адмиральши, боялись как огня.

– Доброго утра, папенька! – тихо, совсем тихо проговорил дрогнувшим от волнения голосом Вася, приблизившись к письменному столу и не спуская с отца замирающего, словно бы очарованного взгляда, полного того выражения, какое бывает в глазах у маленькой птички, увидавшей перед собой ястреба.

Слышал ли отец приветствие сына и нарочно, как это случалось не раз, не обращал на него ни малейшего внимания, заставляя мальчика недвижно стоять у стола бесконечную минуту-другую, или, занятый бумагами, действительно не замечал Васи, – трудно было решить, но он не поворачивал головы.

Так прошло несколько долгих секунд.

А в раскрытые окна кабинета, полного прохлады, глядели густые акации и тенистые раскидистые орешники, не пропускавшие лучей солнца, с крупными грецкими орехами в зеленой скорлупе, и невольно напоминали Васе о том, что там, в верхнем саду, вдали от дома, его ждут многие удовольствия, радости и приятные встречи, о которых никто из домашних и не догадывался.

А усы отца стояли неподвижно, и скулы морщинистых щек не двигались.

И мальчик, ощутив прилив мужества, решился снова проговорить, несколько повышая свой мягкий высокий тенор:

– Доброго утра, папенька!

Быстрым, энергичным движением адмирал вскинул голову и остановил серьезный, сосредоточенный и, казалось, недовольный взгляд на своем младшем сыне.

И что-то мягкое и даже нежное на мгновение смягчило эти суровые черты и засветилось в этих маленьких серых глазах, властных и острых, сохранивших, несмотря на то, что адмиралу было шестьдесят лет, живость, энергию и блеск молодости.

– Здравствуй! – отрывисто и резко проговорил адмирал.

И, против обыкновения, вместо того, чтобы кивнуть головой, давая этим знать, что мальчик может уйти, он сегодня потрепал своей костлявой рукой по заалевшей щеке сына и продолжал тем же резким повелительным тоном:

– Здоров, конечно? Скоро в Одессу... учиться. Первого сентября поедешь на пароходе. Ну, ступай!

Вася не заставил себя ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.